

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПОЭЗИИ СЕМЕНА ЛИПКИНА

В данной статье представлены некоторые особенности лексического воплощения фрагментов религиозной картины мира в поэтических текстах Семена Липкина. Сначала автор представляет особенности функционирования лексем *гончар* и *глина* в текстах Ветхого и Нового Заветов, а также в текстах мифов народов мир, где они контекстуально приобретают религиозный компонент значения. Затем подробно анализирует поэтическую парадигму представлений о сотворении мира и человека, в системе лексического воплощения которой доминантами являются анализируемые лексемы.

Ключевые слова: религиозная картина мира, религиозный компонент значения слова, лексическое воплощение.

Религиозная картина мира – это система наиболее общих религиозных представлений о мире, выполняющая объяснительную, упорядочивающую, аксиологическую, пророческую и другие функции. Религиозная картина мира во все времена являлась определяющим фактором общественной идеологии, оказывала влияние на многие сферы общественной жизни, выступала мировоззренческим и методологическим ориентиром в познании конкретных явлений природы. В последние десятилетия появилось и продолжает появляться множество работ, посвященных анализу религиозной картины мира, вопросам ее теоретического моделирования. Однако остается не решенным до конца вопрос лексического воплощения религиозной картины мира.

В одной из статей нами была рассмотрена сущность понятия «религиозная лексика» через его соотношение с понятиями «церковная лексика», «библейская лексика» [22]. В ходе рассуждений мы пришли к выводу о том, что данные понятия необходимо рассматривать с точки зрения иерархических отношений; а религиозную лексику необходимо классифицировать с позиций воплощения религиозных представлений как элементов религиозной картины мира.

При анализе лексических воплощений религиозных представлений необходимо выделение специфического семантического компонента, присутствующего в единицах лексики, относящихся к семантическому полю «религия», например, сема 'верховное существо, управляющее миром' в составе семантической структуры лексемы *Бог* или сема 'место, уготованное душам праведников, где они пребывают в вечном бла-

женстве и близости к Богу' в составе семантической структуры лексемы *рай*. Такую сему следует определить как *религиозный компонент значения*.

Религиозный компонент значения в различных словах имеет идентичное значение – 'связанный с верой в Бога' [11; 15]. Однако религиозный компонент значения может входить не только в семантическую структуру слова, относящегося к семантическому полю «религия» (в виде архисемы или денотативной семы), но и в структуру других слов в виде контекстуальной или коннотативной семы.

Наше внимание привлекли лексемы *гончар* и *глина*, которые в определенных контекстах могут приобретать религиозный компонент значения, т. е. становиться элементами системы лексического воплощения религиозной картины мира.

Анализ дефиниций лексем *глина* и *гончар* в этимологических, исторических и толковых словарях позволяет говорить о том, что этимоны данных лексем ничего общего не имеют с религиозной картиной мира [23].

Лексемы *гончар* и *глина* отсутствуют в большинстве специализированных словарей религиозных и церковных терминов [2, 3, 9, 16]. Однако отсутствие лексем в специализированных словарях не означает их отсутствие в религиозных текстах. Так, в «Энциклопедии Брокгауза и Ефрона» приводятся данные о том, что о гончарах (горшечниках¹) и их изделиях упоминается в нескольких местах Ветхого Завета. Например: «*И сошел я в дом горшечника, и вот, он работал свою работу на кружале. И сосуд, который горшечник делал из глины, развалился в руке его; и он снова сделал из него другой сосуд,*

¹Лексемы *гончар* и *горшечник* рассматриваются нами как полные лексические синонимы (см. Словари синонимов).

какой горшечнику вздумалось сделать» [Иер 18:3-4]; «Я воздвиг его от севера, и он придет; от восхода солнца будет призывать имя Мое и попирает владык, как грязь, и топтает, как горшечник глину» [Ис 41:25].

Данные лексемы в Библии используются не только в номинативном, но и в аллегорическом значении, в частности: «Горе тому, кто препирается с Создателем своим, черепок из черепков земных! Скажет ли глина горшечнику: «что ты делаешь?» и твое дело скажет ли о тебе: «у него нет рук?». Горе тому, кто говорит отцу: «зачем ты произвел меня на свет?», а матери: «зачем ты родила меня?». Так говорит Господь, Святой Израиля и Создатель его: вы спрашиваете Меня о будущем сыновей Моих и хотите Мне указывать в деле рук Моих?» [Ис 45:9-11]; «Я помазал Царя Моего над Сионом, святою горою Моею; возведу определение: Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя; проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе; Ты поразишь их жезлом железным; сокрушишь их, как сосуд горшечника» [Пс 2:6-9]. В целом, в Ветхом Завете можно отметить 13 контекстов с лексемами *гончар* и *глина*.

Если проанализировать некоторые контексты из канонических библейских текстов, то можно отметить наличие контекстуальной семы 'человек, как творение Божие' в составе лексемы *глина* и семы 'Бог' в составе лексемы *горшечник (гончар)*. Так, пророк Исаия, объясняя всецелую зависимость человека от Бога, пишет: «Мы глина, а Ты образователь наш, и все мы дели руки Твоей» [Ис 64:8], а апостол Павел обращается к римлянам с вопросом: «Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, другой же для низкого?» [Рим 9:21]. Подобно горшечнику (гончару), выделяющему из одной и той же глины совершенно разные изделия, Бог создает разных людей.

Лексемы *гончар*, *глина* и их дериваты многократно употребляются в мифах народов мира, например, Маудгальяна – герой буддийской мифологии, главный ученик Шакьямуни, имевший наибольшие магические способности, способен раздавить гору Сумеру (Меру), как фасолину, а также раскрутить землю, как гончарный круг; Амма – верховное божество, демиург (букв. «творящий для народа») догонов, согласно одному из вариантов мифа о сотворении, подобно

гончару, создал солнце и луну, звезды, а также землю из пущенной в виде комков глины в пространство; египетский бог, демиург Хнум создаст мир и людей на гончарном круге и т. п.

Таким образом, данные лексемы последовательно входят в состав религиозной и мифологической картин мира, не имея при этом никаких этимологических и семантических на то оснований.

Нами было обнаружено, что лексемы *гончар* и *глина* выступают средствами лексического воплощения религиозных представлений в поэтических текстах. Наиболее последовательно это представлено в творчестве одного из ярких, «самобытных» (по определению А.А. Ахматовой) поэтов XX столетия – С. Липина, где лексемы через актуализацию определенного ассоциативного признака значения входят в парадигму лексических воплощений представления о происхождении мира и человека. Внутри данной парадигмы представлений нами выделено несколько ключевых компонентов.

Создание вселенной. В стихотворении «Из восточной рукописи» (1941 г.) лирический герой Липкина утверждает, что вся вселенная создана из глины, причем из непрочной глины:

*«Утверждал, что нет небесных чар
В четверице изначальных сил,
Что, смеясь, вселенную гончар
Из непрочной глины сотворил»* [5; 28]

Непрочность глины в том, что все сделанное из нее можно быстро разрушить:

*«И вошел в мой город властелин,
И рассек мой город лезвием,
И разбился глиняный кувшин
В глинобитном домике моем»* [5; 29].

Данная метафора означает следующее: вселенная, созданная из непрочной глины, может быть так же быстро разбита, как и глиняный кувшин от руки некоего царя, пришедшего с войной. Таким образом, лексема *глина* приобретает контекстуальную сему 'нечто хрупкое, непрочное'.

Создание женщины. Согласно «Книге Бытия», «...создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку...» [Быт 2:22]. В стихотворении «Любовь» (1967 г.) С. Липкина представлена интерпретация

ветхозаветно сюжета: женщину создает гончар из глины:

*«Из глины создал женщину гончар.
Все части оказались соразмерны.
Глядела глина карим взглядом серны,
Но этот взгляд умельца огорчил...» [5; 149].*

Лексема *глина* в первой строке стихотворения обозначает ‘природный материал, из которого создается женщина’, а через строку – ‘живое существо’.

В данном стихотворении интересно не только то, что женщина была создана не из ребра Адама, а из глины, но и то, что ее создал не Бог, а человек. Создавая женщину, гончар в очередной раз получает лишь «сосуд», «глиняное существо» со «взглядом серны». Более того, в отличие от Бога, создатель женщины из глины вдунул в тело не душу, а свое отчаяние:

*«И вдунул он в растерянности чудной
Свое отчаянье в ее уста,
Как бы страшась, чтоб эта пустота
Не стала пустотою обоюдной...» [5; 149].*

Несоответствие интерпретации, представленной в стихотворении С. Липкина, ветхозаветному сюжету связана, во-первых, с возникновением образа человека не по гласу Божьему, а в результате физических действий гончара («Из глины создал женщину гончар...»), во-вторых, гончар физически вдунул отчаяние в пустоту своего творения («...вдунул ... в ее уста»). Все это противоречит ветхозаветному сюжету тем, что процесс созидания человека лишен «благоприличия» (блаженный Феодорит), т. е. сообразности с величием, святостью и духовностью Бога.

Творение гончара, глина, вопреки ожиданиям творца, наполняется светом, что приводит к обретению души самим творцом.

В первой строке стихотворения С. Липкин лексеме *глина* использует для номинации ‘материала, из которого создается женщина’. Далее в стихотворении С. Липкин называет творение гончара *глиной, сосудом, глиняным существом*, номинируя лишь ‘тело женщины до обретения души’. Таким образом, наблюдается динамика контекстуального значения лексемы, подвергнутой метонимическому переносу.

Создание богов. В стихотворении «Гончар» (1969 г.) С. Липкин создает образ человека, гончара, который в своей мастерской из вещества земного изготавливает богов. Здесь мы видим прямое несоответствие ветхозаветному сюжету: во-первых, множественность богов, во-вторых, факт созидание богов человеком (а не людей богом), в-третьих, создание богов из плоти (поскольку Бог лишен «материального и телесного воплощения, пребывающий за пределами физической реальности» [1; 42]). В этом контексте отсутствует «благоприличие», поскольку «процесс изготовления» предстает в буквальном смысле. Поскольку во второй строфе мы читаем:

*«Порой, доверившись кувшину,
Я пил с собой наедине,
Свою замешивая глину
Не на воде, а на вине» [5; 164],*

возможно предположить, что гончар создавал своих богов, будучи опьяненным вином. Гончар создавал себе кумира в его первичном значении – изваяние, предмет поклонения, замешивая глину «на вине». И однажды он создал кумира – «прекраснобедрую», глядевшую взглядом Бога, зодчего мира, зиждителя влаги и огня:

*«Но свет и для меня зажегся
С потусторонней высоты,
И, потрясенный, я отрекся
От рукотворной красоты.
Так почему же зодчий мира,
Зиждитель влаги и огня,
Глазами моего кумира
Все время смотрит на меня?» [5; 164-165].*

Обретение и утрата телом души. В стихотворении «Хижина» (1990 г.) мы видим своеобразную интерпретацию идеи обретения и утраты телом души:

*«Тебе случалось быть недоброй, скрытной,
Из-за ничтожных плакала потерь,
Куда же удалишься ты теперь
Из хижины непрочной, глинобитной?*

*...
Ты хижину хотела обрести,
И только в этом, может быть, повинна,
Вот потому тебя и молит глина:
«Душа, не думай обо мне, лети!»»*

[5; 306-307].

Лирический герой С. Липкина обращается к душе, покидающей тело, метафорически именуемое *непрочной, глинобитной хижинкой*. По словам автора, душа хотела обрести *хижину*, в чем и повинна. Из сказанного следует, что не Бог одухотворяет тело человеческое, а сама душа обретает тело.

В последних строках читаем: «*Вот потому тебя и молит глина: / «Душа, не думай обо мне, лети!»*». С одной стороны, тело молит душу о смерти, которая неминуема после того, как душа покинет его, с другой, – молит о вечной жизни душе, поскольку ее греховность в теле.

Создание первого человека. В стихотворении «Изгнанный из сада, я ль пришелец...» (1993 г.) С. Липкин использует лексему *глина*, во-первых, как наименование тела, в которое Господь вдунул душу, а, во-вторых, человека, наделенного душой:

«...Для того ль Ты в глину вдунул душу,
Чтобы в глине поселился страх?..» [5; 340].

Таким образом, в ближайшем контексте происходит не просто изменение периферийной семы, а ее трансформация в архисему: ‘тело человека’ > ‘человек с душой’. Об изменении структуры лексемы можно судить по контексту: неодухотворенное тело не может испытывать страх, страх присущ человеку с душой.

В отличие от стихотворения «Любовь», в данном здесь мы видим прямое соответствие ветхозаветному сюжету: Господь Бог «вдунул в лице его (человека – П.Я.) дыхание жизни, и стал человек душою живою» [Быт. 2:7], что, по мнению толкователей Ветхого Завета, не следует понимать в грубо чувственном смысле. «Идея, лежащая в основе всего библейского рассказа о творении человека, состоит в намерении выставить человека как связь двух миров – мира видимого, физического и невидимого, духовного, и представить его как царя природы и образ самого Бога на земле, и утвердить истину бессмертия человеческой души» [6].

Предок, прародитель человека. Для Липкина *глина*, прежде всего, то, из чего был сделан первый человек: в стихотворении «Ничтожество» (1996 г.) данная лексема рассматривается как предок первого человека, она одухотворяется:

«*Братоубийца первый был
Эдемской глины внуком...*» [5; 390].

Ветхий Завет повествует о том, что первый человек был создан из *земного праха*: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» [Быт. 2:7]. Следовательно, можно отметить контекстуальную равнозначность липкинской *глины* и библейским *земным прахом*.

Далее в том же стихотворении встречается словосочетание *прах райский*, которое выступает контекстуальным синонимом словосочетанию *эдемская глина*, потомком которой именуется сын Адама и Евы – Каин:

«*Кусочек яблока отведав, Ева
Потомка праха райского бездумно
Жестокостью наполнила...*» [5; 390].

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать еще один вывод, касаемый своеобразия интерпретации ветхозаветного сюжета Семеном Липкиным – поскольку словосочетания *эдемская глина, прах земной, райский прах* являются синонимами, то рай до грехопадения был на земле, человек изначально создавался как частичка рая.

В Ветхом Завете читаем о том, что в рай человек был помещен после создания: «И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал» [Быт. 2:8]. Заключение райской истории служит факт изгнания падших прародителей из рая, с целью, главным образом, лишить их возможности пользования плодами древа жизни: «И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни». В этой же цитате видим, что Бог человека выслал возделывать землю (вне рая), из которой тот был создан.

Очевидна и еще одно интерпретация ветхозаветного сюжета поэтом: лексему *глина* Липкин наделяет семой ‘прародитель, предок’, хотя в Библии лексема *земля* (из земли был создан первый человек) не имеет такой семы; сема ‘прародители, предки’ входит в семантическую структуру антропонимов *Адам* и *Ева*.

Таким образом, проведенный анализ особенностей функционирования лексем *гончар*

и глина позволяет сделать выводы о том, что они контекстуально приобретают религиозный компонент значения. Лексема *гончар* в поэзии Семена Липкина, сохраняя архисему 'создатель, мастер', приобретает дифференцирующие семы, связанные с объектом действий мастера – 'вселенная', 'женщина', 'боги'. При этом в разных контекстах на первый план выходит потенциальная сема: 'Бог' ('создатель вселенной') или 'человек' ('создатель женщины'). Лексема *глина*, сохраняющая ар-

хисему 'материал для создания', в контексте обретает дифференцирующие семы – 'вселенной', 'женщины', 'богов'. В стихотворениях позднего творчества данная лексема контекстуально изменяет архисему: 'материал для создания' на 'тело'. Неизменным в творчестве С. Липкина остается вхождение данных лексем в парадигму поэтической интерпретации представлений о происхождении мира и человека, что является определяющей особенностью поэтического мира автора.

23.01.2012

Список литературы:

1. Бачинин В.А. Религиоведение. Энциклопедический словарь. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2005. – 288 с.
2. Вихлянец В.П. Библейский словарь: к русской канонической Библии Синодального перевода 1816-1817 гг. – М.: Коптево, 1984-1994.
3. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М.: Изд.отдел Московского Патриархата, 1993.
4. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – Т. 2: 1968-1990. – 688 с.
5. Липкин С. Семь десятилетий. Стихотворения и поэмы. – М.: Возвращение, 2000. – 592 с.
6. Лопухин А.П. Толковая Библия. Бытие // <http://www.klikovo.ru/db/sect/40>
7. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – Т. 1. – 672 с.
8. Назаров В. Загадки Русского Междуречья // <http://readr.ru/v-nazarov-i-dr-zagadki-russkogo-meghdurechya.html?page=3#ixzz1fmRITHM8>.
9. Никифор, архимандрит Библейский словарь // <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikifor/encyclopedia/contents.html>.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1998.
11. Сергеева Е.В. Религиозно-философский дискурс В.Соловьева: лексический аспект. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И.Герцена; «Сага», 2001.
12. Словарь Академии Российской: в 6 ч. – СПб.: Императорская академия наук, 1790. – Ч. 2.
13. Словарь русского языка XVIII века. – Л.: Наука, 1984-... – Вып.5.
14. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Русяз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1: А-Й.
15. Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. – СПб: Типография Императорской АН, 1847. – Т. 1. – 439 с.
16. Словарь церковных терминов // <http://days.pravoslavie.ru/Life/Index.htm>
17. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам: в 3 т. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. – Т.1. А – К. – 771 с.
18. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 1. – 624 с.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1987.
20. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Мультимедиа-издательство «Адепт», 2002.
21. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: выпуск 7 / под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1980.
22. Якимов П.А. О сущности понятия «религиозная лексика» в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – №11 (130). – С. 78-80.
23. Якимов П.А. Лексемы *гончар* и *глина* в системе лексического воплощения религиозных представлений // Мир науки, культуры и образования. – 2012. – №1 (32). – С. 396 – 398.

Сведения об авторе: **Якимов Петр Анатольевич**, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат педагогических наук
460018, г. Оренбург, пр. Победы, 13, ауд. 1106, тел. (3532) 372436, e-mail: ryakimov@mail.ru

UDC 81-112.2; 81-114.2

Yakimov P.A.

SOME FEATURES OF THE LEXICAL EMBODIMENTS OF THE RELIGIOUS PICTURE OF THE WORLD IN SIMEON LIPKIN'S POETRY

In given article some features of a lexical embodiment of fragments of a religious picture of the world in Simeon Lipkin's poetic texts are presented. At first the author represents features of functioning of lexemes *the potter* and *clay* in texts of Shabby and New Precepts, and also in texts of myths of the people the world where they contextually get a religious component of value. Then in detail analyzes a poetic paradigm of representations about world and person creation, in system of which lexical embodiment dominants are analyzed lexemes.

Key words: a religious picture of the world, a religious component of a word meaning, a lexical embodiment.